

КОНЦЕПТ «ЗЕМЛЯ / ДЕРЕВНЯ» В ПРОЗЕ В. РАСПУТИНА И ТОГАЯ МУРОДА: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ И ОНТОПОЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Муродходжаева Малика Алишеровна
malikamurodxodjayeva1797@gmail.com

Кулдошева Озода Дилмурод кизи
dilmurodboboev56@gmail.com

Негосударственное образовательное учреждение «Университет экономики
и педагогики»

Аннотация: В центре внимания данного исследования - семантика и художественная реализация концептосферы «земля / деревня» в произведениях двух значимых фигур: Валентина Распутина (как представителя русской деревенской прозы) и Тогая Мурода (автора узбекской прозы о жизни кишлака). Применение компаративистского подхода позволяет выявить не только сходные типологические черты, но и глубокие этнокультурные расхождения в интерпретации патриархального уклада. В статье обосновывается тезис о том, что для обоих писателей данный концепт служит краеугольным камнем национальной системы ценностей. Автор приходит к выводу, что при схожести центрального противостояния «урбанистического» и «природного/сельского» миров, поэтика Распутина тяготеет к трагическому элегизму и осмыслению необратимости утрат (философия «почвенности»), тогда как художественный мир Мурода пронизан утверждением жизненной силы общины (эллат), нерушимостью генеалогической памяти (авлод) и сакральностью земли (тупрок).

Ключевые слова: компаративистика, топос «земля / деревня», В. Распутин, Т. Мурод, деревенская и кишлачная проза, аксиология, концепт «почва», тупрок, этнопоэтика, махалля

THE CONCEPT OF "LAND/VILLAGE" IN THE PROSE OF V.RASPUTIN AND TOGAI MUROD: A COMPARATIVE-CONTRASTIVE AND ONTOPOETIC ANALYSIS

Murodkhodjaeva Malika Alisherovna
malikamurodxodjayeva1797@gmail.com

Kuldosheva Ozoda Dilmurod kizi
dilmurodboboev56@gmail.com

Non-State Educational Institution "University of Economics and Pedagogy"

Abstract: This study focuses on the semantics and artistic realization of the “land/village” concept in the works of two significant figures: Valentin Rasputin (as a representative of Russian village prose) and Togai Murod (the author of Uzbek prose about village life). The application of a comparative approach allows us to identify not only similar typological features but also profound ethnocultural differences in the interpretation of the patriarchal order. The article substantiates the thesis that for both writers, this concept serves as the cornerstone of their national value system. The author concludes that, despite the similarity of the central opposition between the “urban” and “natural/rural” worlds, Rasputin’s poetics gravitate toward tragic elegism and an understanding of the irreversibility of loss (the philosophy of “soil-basedness”), whereas Murod’s artistic world is permeated with the affirmation of the vitality of the community (elat), the inviolability of genealogical memory (avlod), and the sacredness of the land (tuproq).

Keywords: comparative studies, topos “land / village”, V. Rasputin, T. Murod, village and kishlak prose, axiology, concept “soil”, tuproq, ethnopoetics, mahalla

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В литературоведении рубежа XX-XXI веков ключевое место занимает проблема национальной идентичности, исследуемая через призму базовых ментальных и пространственно-временных категорий. Среди них особую роль играет комплекс «земля / деревня», выполняющий функцию культурного кода, онтологического основания и аксиологического центра в художественном сознании.

Цель работы - осуществить системный сравнительно-сопоставительный анализ концепта «земля / деревня» в прозе В. Распутина и Тогая Мурода, выявив его онтологические, аксиологические и структурно-поэтические параметры.

1. Теоретико-методологические основы: концепт в поэтике пространства В. Распутина и Тогая Мурода.

Понятие «концепт» в литературоведческом дискурсе интерпретируется как сгусток культуры в сознании человека, содержательный квант художественного мира, включающий в себя не только понятийно-предметное ядро, но и широкий спектр эмоционально-ценностных и символических смыслов.

Применительно к творчеству В. Распутина и Тогая Мурода концепт «земля / деревня» выступает сложным ментально-пространственным образованием. С одной стороны, он обозначает конкретный тоpos - физическое пространство ангарской деревни или сурхандарьинского кишлака с его укладом, архитектурой и хозяйственным циклом. С другой стороны, данный концепт функционирует как аксиологическая категория, воплощающая представления о грехе и праведности, памяти и беспамятстве, труде и паразитизме.

В. Распутин в своих произведениях отказался от соцреалистического пафоса «преобразования природы», обратившись к драматическому исследованию гибели традиционного крестьянского мира. Деревня в его поэтике стала рассматриваться как нравственный ковчег нации.

Тогай Мурод в узбекской литературе опирался на традиции восточной поэтической мысли, народный эпос, метафизику земли и уклад общинной жизни (*элат*). Если у В. Распутина звучит трагическая элегия по «уходящей деревне», то Тогай Мурод демонстрирует феномен этнокультурной стойкости быта, где кишлак выступает пульсирующим настоящим национальной жизни.

2. Метафизика земли: «почвенность» у В. Распутина и «тупроқ» у Тогай Мурода

В художественном мире обоих писателей земля мыслится не просто как средство производства, а как сакральный первоэлемент.

У Распутина это архетип «матери-сырой земли», вместилище родовой этики и памяти. Гибель Матёры под водами будущего водохранилища трактуется не как победа прогресса, а как эсхатологическая драма: обрыв генеалогических корней, поругание праха предков и разрыв вертикальной связи «небо - земля». Отсюда возникает мотив «почвенничества» как служения, где отчуждение от почвы оборачивается духовной деградацией.

У Тогай Мурода: Категория «*тупроқ*» (почва/земля) глубоко связана с понятием «*Она ер*» (Земля-мать) и традиционной дехканской этикой. В повестях «Отседлавший желтого дива» и «Поля моих отца и деда» земля выступает как живой организм, с которым дехканин находится в непрерывном диалоге. Труд на земле воспринимается не как тяжелая повинность, а как форма молитвы и исполнения долга перед семьей и родом («*авлод*»).

3. Структура пространства и оппозиция «город - деревня (кишлак)»

У обоих писателей топография сюжета держится на резком контрасте двух вселенных. Сельский мир - будь то сибирская Матёра или узбекский кишлак - предстаёт как храм, вписанный в ландшафт, со своей сакральной географией (могилы предков, порог дома, поле). Антиподом выступает город: безликое, равнодушное пространство, лишённое корней, где человек превращается в винтик, а связь поколений обрывается.

Параметр сравнения	В. Распутин («Прощание с Матёрой», «Пожар»)	Тогай Мурод («Отседлавший желтого дива», «Поля моих отца и деда»)
Ключевой топос	Ангарская деревня, остров на реке (Матёра).	Сурхандарьинский кишлак, дехканское поле, степь.
Центр пространства	Деревенская изба, сельский сход, кладбище.	Чайхана, гузар, двор (<i>хавли</i>), махалла.

Параметр сравнения	В. Распутин («Прощание с Матёрой», «Пожар»)	Тогай Мурод («Отседлавший желтого дива», «Поля моих отца и деда»)
Характер времени	Трагический обрыв временного потока («уходящая натура»).	Циклическое время, акцент на преемственности поколений (<i>авлодлар давомийлиги</i>).
Восприятие города	Источник технократического давления и духовного разлада.	Пространство бюрократизма, противостоящее теплоте кишлачного братства.

4. Типология характеров: Дарья Пинигина и Зиёдулла

Центральным элементом поэтики концепта у обоих авторов является тип героя, выступающего носителем национального характера.

1. Праведник В. Распутина (Дарья Пинигина): Её отличает бескомпромиссная совесть, нестяжательство, органическая связь с природой и экзистенциальное одиночество перед лицом меняющегося мира. Дарья общается с душой острова и предками, выступая медиатором между миром живых и мертвых.

2. «Соддадил» Тогай Мурода (Зиёдулла): Его характер определяется природным лиризмом, верностью слову, гипертрофированным чувством чести (*ор-номус*) и органическим коллективизмом. В отличие от одинокой в своих духовных исканиях Дарьи, герои Тогай Мурода не мыслят себя вне социума кишлака и махалли.

5. Общинные институты и этнопоэтика быта

В прозе В. Распутина община предстает как разрушающийся институт, где истинное единство сохраняется лишь на уровне совместной взаимопомощи или в поминальных обрядах перед лицом общей беды.

В художественном космосе Тогай Мурода махалля и родовая общность («элат») сохраняют живую, почти биологическую энергию. Хашар здесь - не просто субботник, а карнавал совместного усилия, где каждый жест наполнен смыслом; а любой тўй (свадьба или пир) становится завязкой и развязкой важнейших коллизий, подчёркивая монолитность национальной картины мира. Нарратив Мурода питается ритмами сказителей-бахши - в нём слышны интонации устного эпоса. Контрастно звучит проза Распутина: она погружена в стихию русской диалектной речи, с её оборотами и редкими архаизмами, что придаёт повествованию особую, «почвенную» плотность.

Заключение

Сопоставление поэтических систем Распутина и Тогай Мурода выявляет глубинную типологическую близость, несмотря на национальную и

географическую отдалённость. Оба писателя наделяют землю статусом высшей духовной инстанции - именно она выступает мерилем человеческой состоятельности, хранительницей родовых заветов и противовесом бездушной цивилизации. Без этой связи, утверждают авторы, личность лишается корней, а социум - нравственного вектора.

При этом каждый из прозаиков предлагает собственную оптику. В мире Распутина доминирует элегическая интонация: уход деревни под воду ГЭС становится сквозной метафорой разрыва «пуповины» между прошлым и будущим. Земля здесь - персонаж трагический, почти живое существо, которое страдает и уходит, оставляя героев в состоянии экзистенциального осиротения. Архаизация языка усиливает чувство невосполнимой потери.

Напротив, Тогай Мурод избегает финалистского пессимизма. Его герои не прощаются с землёй - они пребывают в ней, вплетены в ежегодный круговорот сева и жатвы, в ткань общинных отношений. Институты махалли и «элат» предстают не рудиментами, а действенными формами социальной солидарности. Хашар и туй не только сплачивают людей, но и становятся художественными центрами повествования, через которые проясняется непрерывность бытия. Мурод словно говорит: традиция не умирает, она преобразуется в живой практике, и ритм бахши делает этот процесс осязаемым и музыкальным.

Итоговый вывод таков: при единой мировоззренческой основе - земля как опора духа - Распутин являет нам драму утраты, а Мурод - поэзию преемственности. Вместе они образуют диалог двух голосов, актуальный для любой национальной литературы, ищущей ответ на вопрос о том, как сохранить человеческое в эпоху перемен.

Использованная литература

1. Распутин, В. Г. Прощание с Матёрой: повесть / В. Г. Распутин. - М.: Советский писатель, 1976. - 256 с.
2. Мурод, Тогай. Отседлавший желтого дива: повести / Тогай Мурод. - Ташкент: Шарк, 1997. - 320 с.
3. Мурод, Тогай. Отамдан қолган далалар: роман / Тогай Мурод. - Тошкент: Шарк, 1994. - 256 б.
4. Ковтун, Н. В. Русская традиционалистская проза второй половины XX века: испытание утопией / Н. В. Ковтун. - Красноярск: КГПУ, 2014. - 208 с.
5. Распутин, В. Г. Пожар: повесть / В. Г. Распутин. - М.: Наш современник, 1985. - № 7. - С. 3-38.
6. Расулов, А. Танқид, талқин, баҳо (Ҳозирги ўзбек адабий жараёнига бир назар) / А. Расулов. - Тошкент: Фан, 2006. - 228 б.

7. Эркинов, А. Миллий бадий тафаккур ва қишлоқ насри поэтикаси / А. Эркинов. - Тошкент: Университет, 2018. - 180 б.